

Алексей Сухаров

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Алексей Сухаров

21. Лучшее

«Автор»

2015

Сухаров А.

21. Лучшее / А. Сухаров — «Автор», 2015

21 – сборник рассказов, стихотворений и эссе, задуманных и написанных Алексеем до достижения двадцатиоднолетнего возраста. Работая в жанрах минимализма и постмодернизма, автор стремится рассказать обо всем, что преследовало и мучало его на протяжении долгих лет детства и юности. Сотканный из страхов и ночных кошмаров, сборник «скачет» от самокопания до неприятия капиталистического общества, от депрессии и отчаяния – до любви и ненависти к той единственной, память о которой никогда не померкнет. В редакцию 2020 года вошло 21 произведение, каждое из которых нашло отклик среди читателей оригинального сборника. Содержит нецензурную брань.

© Сухаров А., 2015

© Автор, 2015

Содержание

1	5
2	8
3	9
4	11
5	13
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Алексей Сухаров

21. Лучшее

1

Восходящее солнце предвещает хороший день. Люблю утро, особенно такое, какое сейчас. Я сижу на крыше небоскреба. Курю, стряхивая пепел вниз. Наверняка он никогда не долетает до земли. С крыши этой высотки до ее основания, до того уровня, где улицы переполнены суетящимися 24 часа в сутки людьми, где автомобили, медленно, как гусеницы, ползут стройными рядами за «капустой», простаивая в пробках несколько тысяч минут в неделю, где от шума торговой индустрии можно сойти с ума, – порядка двух сотен метров. Двух сотен метров, которые ты пролетишь быстрее, чем их пробежит самый быстрый чемпион мира по бегу на короткие дистанции, если будет бежать их по горизонтали.

Нет, не подумайте, что этим прекрасным утром я собрался прыгать вниз и заниматься членовредительством. Мне нравится жить, в отличие от многих людей нашего времени. А все потому, что я обитаю здесь, наверху, и не тороплюсь туда, вниз. Я попадаю в сугубо городские условия, в худшем случае, два раза в день, и то ненадолго: когда иду на работу и когда с нее возвращаюсь, попутно забегая в магазин за продуктами. Почти все остальное время, когда я не ем и не сплю, я нахожусь на крыше небоскреба, в котором на одном из верхних этажей расположилась моя не самая скромная квартира.

На крыше, на такой высоте, довольно ветрено, но я привык. Днем здесь жарковато, а по ночам прохладно, но и к этому я приспособился. Я созерцаю небо, плывущие по нему облака или выступающие на нем звезды, крыши соседних высоток. Я не сижу в интернете и не занимаюсь той идиотской волокитей, которой люди привыкли заниматься там, внизу, и у себя дома. Я сижу на крыше и живу (если можно так говорить, находясь в человеческом, технологическом, индустриальном муравейнике) в гармонии с природой, с этим восходящим солнцем, прекрасным небом, ветром, холодом и зноем, облаками и звездами. Я в каком-то роде буддист, застрявший в месте, именуемом центром, вершиной цивилизации.

Почему я, в таком случае, не отправлюсь куда-нибудь в спокойное, безлюдное местечко и не радуюсь настоящей природе там? Ну, в городе я неплохо зарабатываю, не затрачивая при этом каких-то невероятных усилий. Я настолько неплохо зарабатываю, что могу позволить себе не самую скромную квартиру на одном из верхних этажей не самого скромного небоскреба – ведь давно известно, что чем выше, тем не только холоднее, но и дороже. Потом, для жизни в спокойных, безлюдных местечках мне было бы необходимо добывать себе пропитание. Здесь же я могу получить любые продукты, бытовую химию и некоторые предметы комфорта, лишь спустившись на дно городского хаоса, что, конечно, неприятно, но периодически необходимо.

Мне искренне жаль людей, которые там, внизу, используя всяческие наживки, отчаянно пытаются ловить зеленого цвета рыбу под названием деньги. Они тратят на эту изматывающую рыбалку всю свою жизнь – возможно, именно поэтому она им и не нравится. А я считаю, что деньги не имеют смысла, если они не достаются легко. Достаются трудно – ищи там, где легче. Суетись и бегай, как ты это обычно делаешь, но с иной целью, – в поисках лучшей зарплаты при как можно меньших физических и эмоциональных затратах, как когда-то сделал я.

Есть еще одна причина, по которой я люблю сидеть на крыше высотки и смотреть в небо. Это дирижабли. Не те, которые можно увидеть на застарелых пленках XX века, а другие, новые – компактные и легкие, элемент престижа. Богачи покупают такие и перемещаются на них по воздушному пространству города. Так они не застревают в пробках и не напрягаются в суете улиц. Такие богачи живут в своих воздушных дворцах на самых верхах циклопических зда-

ний. Так они отгорожены от жизни на поверхности земли. Такие богачи летают от высотки к высотке (в каждом престижном небоскребе под крышей имеются так называемые парковки для дирижаблей, этого воскресшего из мертвых вида транспорта), проводят деловые встречи, отдыхают с друзьями, обедают в воздушных ресторанах. Они живут в свое удовольствие, отлавливая свою зеленую рыбу под названием деньги огромными сетями выстроенного годами, а теперь оставленного заместителям и помощникам, прибыльного бизнеса. Деньги достаются им легко. Они все делают правильно.

Есть у меня мечта – приобрести когда-нибудь такой дирижабль. Я восхищаюсь ими и потому не устаю за ними наблюдать. Я хотел бы иметь свой воздушный дворец, пусть не очень большой, зато уютный и комфортный, и собственный дирижабль, на котором я бы курсировал над крышами мегаполиса, любясь небом и облаками, можно сказать, изнутри. Я никуда не тороплюсь и не стремлюсь заниматься бизнесом, который всегда равен беготне, суете и нервозности, чтобы воплотить свою мечту в жизнь. Мне кажется, что все само когда-нибудь придет в мои руки.

Утро уже давно передало эстафету разгару дня, солнце в зените – полдень. На крыше становится жарковато. Я снимаю с себя футболку и закурываю сигарету, стряхиваю пепел вниз. В небе появляются они – дирижабли, а это значит, что сильные мира сего отправляются на обед. В этом районе, где находится не самый скромный небоскреб, в котором на верхних этажах расположена моя не самая скромная квартирка, дирижабли с «ценным грузом» на борту появляются очень часто – здесь есть бизнес-центры, мегамаркеты и воздушные рестораны.

Один из этих дирижаблей медленно плывет прямо в сторону крыши, на которой я восседаю с сигаретой в зубах. Он подлетает совсем близко и разворачивается ко мне боком. В гондоле я вижу двух человек: мужчину лет сорока в шикарном костюме и шляпе, который, собственно, и управляет дирижаблем, и молоденькую красотку в платье с глубоким вырезом, которая обнимает мужчину за шею и всеми способами к нему ластится, таким способом показывая, вероятно, неземную любовь к нему. Мужчина мне кричит:

– Добрый день, гражданин! Не подскажешь, где здесь ресторанчик? Забыл как его...

– «Триумф»? – кричу ему в ответ.

– Да, точно, он самый!

– Воооон в той стороне, – тычу пальцем вправо от себя, в крышу гигантской высотки, облепленной рекламными баннерами, – мимо еще двух домов.

Мужчина вглядывается в высотку, разбирает вдалеке вывеску элитного воздушного ресторана «Триумф» и кричит мне:

– Вижу! Спасибо!

Киваю ему головой и показываю большой палец вверх. Спутница мужчины, судя по ее виду, готова прыгнуть на него прямо здесь и сейчас, внутри гондолы, на высоте двухсот с лишним метров над землей.

Провожая их взглядом.

Интересное получается дело. В наше время физическое расположение богатых по отношению к бедным стало соответствовать социальному статусу как тех, так и других. Самые богатые в прямом смысле слова живут наверху, бороздят небо, а самые бедные копошатся в грязи на земле. Еще лет двадцать назад состоятельные люди предпочитали выкупать территории за городом, дабы не сталкиваться с простыми смертными. И всё же имеющие капитал и его лишённые находились на одной горизонтальной линии. Но сейчас – социальная иерархия налицо. И так, наверное, и должно быть.

Четыре часа дня. К сожалению, сейчас мне придется покинуть мою любимую крышу.

Я прыгаю вниз.

И приземляюсь на балконе собственной квартиры. Я прохожу на кухню, съедаю тарелку салата, одеваюсь и выхожу на работу в вечернюю смену. Идти мне придется недалеко.

Я работаю официантом. В элитном воздушном ресторане «Триумф».

2

Сидишь в комнате один, за ноутбуком. Просматриваешь папку за папкой, находишь в закромах жесткого диска неплохой, когда-то любимый тобой музыкальный альбом. Надеваешь наушники для пущей атмосферности и нажимаешь на кнопку. Делаешь звук громче, громче.

Неслышно, особенно для человека в наушниках, открывается дверь. Некто входит в пространство твоей комнаты, но этого, опять же, не слышишь, не чувствуешь. Волнуешься почему-то, но списываешь волнение на музыку, столь прекрасную, столь трогательную.

Четкие, беззвучные шаги. Блеск лезвия, чья острота проверена только что порезом на руке. Некто резко приподнимает твою голову за волосы и вгоняет нож в твое горло, минуту назад еще напевавшее запавший в память припев. Еще несколько ритмичных движений – и твоя голова, мигом ранее раскачивавшаяся под мерный стук барабанов, медленно падает по направлению к клавиатуре.

Хрипишь. Кровища брызжет на экран и кнопки компьютера. В предсмертной секундной агонии замечаешь грязь, налипшую на клавишу, посредством которой ты изображал свою несуществующую улыбку в бездушных личных сообщениях. Один наушник вывалился; в другом музыка затухает и дефектно растягивается. Голова утыкается в ноут; из зияющей раны потоки липкой крови стекают с компьютера на стол, со стола – на пол.

Альбом закончился. Залитый кровью компьютер невозмутимо спрашивает: «Повторить?»

3

Я положил в рот жевательную резинку, достал сигарету из пачки и вышел на лестничную площадку покурить. Для тех, кто не в теме: смолить со жвачкой во рту – особенное удовольствие.

Но в этот раз немного не задалось. Я сделал пару затяжек, шевеля челюстями, и вдруг ощутил в липкой жевательной массе нечто довольно крупное и твердое. В голову сразу закрались нерадостные подозрения.

Я быстро докурил и спустился в комнату. Достал изо рта жвачку и чужеродный элемент, в ней застрявший. Элемент своим видом напоминал маленький светлый камушек.

Я пошерудил языком в зубах. В одном из них нашупывалась непривычная пустота. Подозрения подтвердились.

Пломба. И ее отсутствие. Я, сам того не желая, выкорчевал ее жвачкой.

Я повертел пломбу в руках и отправил в урну. Еще пару минут назад она была частью моей ротовой полости, частью моего тела, частью меня. А теперь это просто ненужный, использованный кусок медицинского материала.

Очень странные чувства. Дырка в зубе перестала ощущаться как пустота – теперь она превратилась в некое нематериальное новообразование. Оно притягивало и одновременно пугало. Я тыкал языком в осиротевший зуб, стараясь свыкнуться с его новым статусом. Я полизывал место отпавшей пломбы подобно тому, как неумелый парень полизует девушке клитор в попытке доставить и ей, и себе хоть какое-нибудь удовольствие.

Прошло немало времени, прежде чем я привык. Так привыкают люди, когда лишаются чего-то, что составляло важную часть их жизни, но при этом они совершенно об этом не догадывались. Они просто имели это и всё. Они принимали это как должное. То, о чем не стоит переживать. То, что будет вечно.

Но, к сожалению, это не так. Ситуация может поменяться в один момент. В одну секунду во время перекура со жвачкой, призванного приносить особенное удовольствие, а в итоге оборачивающегося потерей.

Такие потери приводят к изменениям, которые достаточно болезненны, но не фатальны. И к ним привыкают. Привыкают жить в одиночестве. Привыкают жить на новом месте и в новое время. Привыкают к новым хобби в новом возрасте. Привыкают к новым людям и новым языкам. Привыкают к техническим новинкам. Привыкают к кино в 3D. Привыкают к новой работе и к новому коллективу. Привыкают к пробкам на дорогах и к военной службе. Привыкают к новому правительству или новому строю. Привыкают к отсутствию пломб в зубах.

Заметьте, все эти изменения имеют место быть только вследствие каких-либо потерь или жертв. К счастью, многое можно вернуть на круги своя.

Поэтому я записался к стоматологу. Платному.

Я надел бахилы, прошел в кабинет и уселся в кресло. Стоматологи работали в паре. Меня подняли на удобную для врачей высоту. Передо мной сверкнул набор чудовищных инструментов, и мне посоветовали расслабиться.

Лет шесть назад на недавно атакованном жвачкой зубе мне удалили нерв. По идее, это означало то, что я ничего не почувствую. Тем не менее, расслабиться я так и не смог до конца процедуры.

Я не слишком боюсь стоматологов. Особенно когда одна из них молодая и симпатичная. Но всё равно неприятно, когда тебе в течение пятнадцати минут ковыряются во рту, что-то сверлят, вкалывают, заталкивают пинцетом и снова сверлят.

Я сплюнул какую-то дрянь, слюна тянулась и сползала по подбородку. Я спустился с кресла, поблагодарил стоматологов (особенно молодую и симпатичную) и прошел в регистра-туру, где заплатил за услуги.

Я пошерудил языком в зубах. В одном из них нашупывалась новенькая пломба. Нужный, еще не использованный кусок медицинского материала.

Очень странные чувства. Вполне реальное новообразование. Я тыкал языком в зуб и его сегодняшнее приобретение. Я испытывал удовольствие.

Я привык к новой пломбе довольно быстро. Я принял ее как должное. Теперь я могу об этом не переживать. Я начал верить, что она была у меня вечно. Через неделю я и забыл, каково это – жить с дыркой в зубе.

Таким же образом люди забывают, как они с кем-то делили свой дом. Как они жили на старой квартире и в прежние времена. Как и чем увлекались в юности. Как были близки кому-то когда-то давно. Как пользовались кнопочным телефоном. Как ходили в кино и смотрели плоские фильмы. Как работали в предыдущей компании в предыдущем офисе. Как гоняли по пустым деревенским дорогам или бухали на гражданке. Как поносили или перевозносили прошлого президента. Как пережевывали еду без пломб в зубах.

На перекуры со жвачкой я больше не хожу.

4

Дверной косяк.

Я сделал его уникальным воспитателем самодисциплины.

За каждый свой косяк я бился головой в дверной косяк.

За каждые грабли, на которые я вновь и вновь наступал, я, помимо удара по лбу собственноручно граблями, вознаграждал себя ударами в дверной косяк.

За каждую ошибку, недоработку или просчет я расплачивался ударами в дверной косяк.

Это как родительская порка ремнем, только лучше.

Неподготовленное практическое – косяк.

Загулялся допоздна – косяк.

Засиделся за компом – косяк.

Позволил себе лишнюю сигарету или стакан пива – косяк.

Со временем мои требования к себе стали еще жестче.

Не проснулся в семь – косяк.

А в выходные – в девять. Пять минут десятого – косяк.

Не прочитал за неделю книгу – косяк. А после – дочитывать.

Не дописал статью или не подготовил отчет – косяк.

Все вещи, которые я мог сделать сегодня, но откладывал на завтра, материализовывались ударами головой в косяк.

Методом дверного косяка я построил себе режим дня. Идеальный тайм-менеджер.

А на вещи, из которых как бы чего-нибудь могло бы выйти, мой организм отвечал покраснением на лбу как реакцией на последующий удар в дверной косяк.

Это значит, что я еще и на всякие глупости не отвлекался. Сугубо по делу. Иначе – косяк.

В один момент я понял, что живу скучно. Я посмотрел на себя в зеркало. Оттуда на меня смотрел задушенный самоограничениями малец с треугольной выемкой в центре лба. Я посмотрел на дверной косяк. Он был покрыт застывшими пятнами крови.

Я понял, что нужно что-то менять.

Но я не мог.

Я пытался загулять по клубам и питейным заведениям. Не вышло. Я против своей воли после ночной попойки просыпался в семь. В выходные – в девять. Кроме того, лишние сигареты или стаканы пива вызывали у меня рвоту. И аллергию. На лбу.

Я пытался ухаживать за девчонками, но они избегали меня из-за моей страшной треугольной выемки посередине головы. Мелочь, но неприятно.

Я не мог даже забить на всё и просто валяться на диване. Некая неведомая сила постоянно поднимала меня с него и заставляла мыть посуду, стирать одежду, писать статьи и готовить отчеты даже тогда, когда меня об этом никто не просил.

Я перепробовал все способы досуга и отдыха, включая путешествия. Безуспешно. Я понял, что от себя, с дверным косяком в голове, никуда не сбежать.

Косяк никуда от меня не делся, несмотря на все мои старания. Я стал его заложником. Теперь это он искал и преследовал меня. Когда я на секунду о чем-нибудь задумывался, расхаживая при этом по квартире, я обязательно ударялся об него головой. Случайно ли?

Я долго не оставлял попытки порвать эту странную связь с дверным косяком, избавиться от этой порчи, этого проклятия. Убить, заморить его, этого воспитателя самодисциплины и идеального тайм-менеджера. Я сходил с ума. В исступлении я бился головой в косяк снова и снова с такой силой, что, казалось, мой череп сейчас треснет и разлетится на части. Треугольная ямка во лбу становилась всё глубже, теперь она идеально входила в дверной косяк. Они прекрасно дополняли друг друга. Как болт и гайка. Как два кусочка мозаики.

Мне приходилось биться всё сильнее и сильнее, чтобы почувствовать боль. Дверной косяк с каждым днем проникал дальше в мою голову, и я боялся, что он однажды достигнет мозга.

Я лунатил. Я просыпался в холодном поту перед дверным косяком; по моей переносице стекала свежая кровь. Я бесился, закидывался снотворным и падал без сил на кровать. Но сколько бы таблеток успокоительного я не глотал, я всегда просыпался в семь утра. В выходные – в девять.

Однажды утром, после очередного приступа лунатизма, я понял, что так не пойдет. Бунт – не выход. Как и смирение. Необходим компромиссный вариант.

И я его нашел.

Я устроился мелким работником в одну неплохую компанию. Благодаря моей усидчивости и исполнительности, выработанной в процессе общения с дверным косяком, меня быстро заметили. Карьерный рост. Близкое знакомство с директором фирмы, ее спонсорами и заказчиками. Пять лет – и я становлюсь первым заместителем директора.

Теперь я – важная персона. Под моим контролем находятся сотни людей. Дверной косяк никуда так и не делся из моей жизни. Я просто нашел ему другое применение.

Я бью в него лбами других.

За каждую ошибку, недоработку или просчет.

5

Сижу на скамеечке и гляжу исподлобья на малышей, резвящихся на игровой площадке детского сада. Я не люблю детей. Жутко не люблю. Ну вы только посмотрите на этих извергов. Они же неуправляемые. Натуральные преступники в миниатюре. Бесятся, скачут, дерутся. Кидаются друг в друга песком. Кричат, режут и рвут купленную родителями одежду. Звери, движимые единственным инстинктом – запулить кому-нибудь мячиком промеж глаз. Кто не в курсе – это очень неприятно и достаточно больно. Но дети этого не понимают. Они ни черта не понимают. У них обучающие игрушки в детском саду точно такие же, какими тестируют шимпанзе в лабораториях. Кубики, пирамидки и шарики. Но эти дети настолько тупы, что даже подобные простейшие задачи решают через раз. Овсяная каша вместо мозгов.

Кто или что из них вырастет? Достойные члены общества? Образцовые родители? Политики и экономисты? Ученые, изучающие интеллект шимпанзе? Нет, нет и еще раз нет. Их удел – уголовники. Даже форма содержания в детском саду и в тюрьме в общих чертах похожа. Этим детей-выродков я бы прямиком за решетку и отправил бы. По окончании детского сада по коридору, обшитому пуленепробиваемой сталью, чтоб не сбежали, и в колонию. Школа? Нет, школа их не исправит. Она только усугубит ситуацию. Быть может, в школе из этого ига и отколется пару умников или умниц. Но не больше. А остальные как были дегенератами, так ими и останутся. Они выйдут из школы и начнут чинить непотребства. Поэтому лучше изолировать этих выродков от общества как можно скорее. Всех. Под одну гребенку. Включая тех, кто вроде бы неплох и подает признаки цивилизованности. Риск слишком велик.

Вы мне можете сказать, что я конченный мизантроп и вообще психически нездоровая личность. Ну или что я слишком молод, чтобы понять, что дети – это цветы жизни. Скажете: вот будет у тебя свой ребенок – и ты так говорить не будешь. В одном вы правы – детей у меня, к счастью, действительно нет и быть не может. А насчет возраста вы полностью ошибаетесь – я стар как мир, а моя позиция на счет этих мелких кровососов абсолютно осознанная и обдуманная.

Изучал как-то одну оккультную книгу. Там было написано, что некоторых демонов за неповиновение Люциферу подвергали высшей мере наказания и одновременно изощренной пытке: их превращали в новорожденных детей и отправляли на Землю на целый десяток лет. Этакие дети-омены, знаете ли. Так вот, я смотрю на этих малолетних придурков и думаю, что, вероятно, есть в них нечто демоническое. А потом понимаю, что нет, эти дети от природы такие пришибленные. Даже в глазах самого дьявола и то есть хоть капля здравого смысла и сознательности. А у этих стадных извращенцев нет ничего.

Воспитатели убежали куда-то на перекур, дети были предоставлены сами себе, и вот тут-то и началась самая настоящая вакханалия. Они валяются в грязи, прыгают с лесенок на головы нижестоящих и бьют качелями по лбу наиболее нерасторопных. Ржут как кони. Из всей этой бесовской массы выделяются двое: Гоша и Кирюша. Первый, обладатель весомого для пятилетнего ребенка брюха, любит драть попавшихся ему на пути за уши. Кирюша и вовсе придумал пытку, которой позавидуют самые отъявленные палачи из мира мертвых: он закидывает жуков ребятам за шиворот. Шестилапое создание мечется между телом и плотным слоем одежды, царапает и кусает нежную кожу ребенка. Ребенок, в свою очередь, тоже мечется, просовывает руки за спину, пытаясь достать или прихлопнуть бедное насекомое. Иногда жертва Кирюши, желая спастись от щекочущей экзекуции, принимается панически сбрасывать с себя купленную родителями одежду прямо посреди луж, оставаясь на прохладном весеннем воздухе в одной футболке с изображенными на ней героями диснеевских мультфильмов. В общем, зрелище не для слабонервных.

В другой оккультной книге, которую мне некогда довелось прочитать, было написано, что вороны – посланники Ада – прилетают к самым безнадежным и вредным детям, хватают их и уносят на свою территорию, где еще живым выклевают глаза, распарывают когтями живот и сжирают сердце. А затем закидывают бездыханное юное тельце на крышу родительского дома. Как по мне, это была бы очень полезная процедура. Вороны есть и здесь, на игровой площадке детского сада, правда, уносить и раздирать они никого, видимо, не собираются. Они предпочитают клевать не глаза жестоких несмышленишек, а печенья и конфеты, которые непрестанно сыплются из карманов беснующейся малышни. Печенья и конфеты, которые запаисливые вырожденцы натырили с родительского стола за завтраком, дабы позже, в перерывах между своими непотребными делами, насыщать ими свои бездонные алчные чрева.

А что вы скажете о железной сетке, которая по периметру обрамляет территорию детского сада? Мне кажется, что это неспроста. Нет, она была здесь возведена не для того, чтобы обезопасить малюток от влияния извне. Как раз наоборот: детей поместили в эту клетку единственно потому, что иначе они могут сбежать, вырваться на свободу и совершить с десятком-другой по-детски наивных, и потому жестоких, преступлений. Я думаю, что никому бы не понравилась судьба вполне зрелого человека, которого мелкие выродки забили кирпичами только потому, что он зажмотил им жевательную резинку или горсть чипсов. Но это я говорю условно, на деле о зверствах такого рода я не слышал. А всё почему? Потому что территории детских садов предусмотрительно оцепляют железными сетками.

Впрочем, как вы уже наверняка успели заметить, опасность поджидает и тех, кто находится внутри клетки этого амфитеатра для самых маленьких. Вот, к примеру, я отказываюсь верить, что этот Гоша наел такое пузо на пюрешках из комплекта детского питания. Этот бугай наверняка жрет кровавое мясо. Я подозреваю, что Гоша и парочка его закадычных друзей убили девочку из ясельной группы, которая не появлялась в саду уже недели две, расчленили ее тело и спрятали останки повкуснее в холодном подвале яслей, где уже несколько лет хранятся ветхие и никому не нужные музыкальные инструменты. А во время тихого часа эта преступная кодла с Гошей во главе пробирается в сей подвал и без стеснения жрет там мягкую человечинку. Только вот у меня доказательств нет. Ах ты ж черт!

Я чувствую, что между моей кожей на спине и плотным слоем одежды кто-то копошится, царапает и кусает меня. Я поднимаю глаза и вижу Кирюшу, отступающего от меня приставными шагами, который лыбится во весь свой молочный рот и тыкает на меня пальцем. Этот гад обошел меня сзади и закинул мне за шиворот жука. Невоспитанная падла. Я засовываю руки за спину и нащупываю насекомое, начинаю тянуть его наверх, к шее, дабы освободиться самому и дать спасение божьей твари, волею судьбы попавшей в руки детсадовскому извергу. Вот и все, жук уже на моей ладони, лети, бедняга! Я поворачиваю голову вправо, провожая улетающее насекомое взглядом, и понимаю, что радоваться рано: ко мне, не торопясь, приближается Гоша с явным намерением надрать мне уши – я вижу это по его сальной ухмылке. Я застываю на месте, прокручивая в голове варианты своих действий, но тут раздается спасительный для меня крик:

– Гоша! Кирюша! Ну-ка отстаньте от него!

Воспитательница вернулась с перекура и окликнула малолетних садистов. Те нехотя отделились от меня на почтительное расстояние, а потом побежали к качелям. Хвала богам, в этот раз несчастье обошло меня стороной.

Хорошо еще, что двое этих придурков, в принципе, более или менее послушные. А то недавно был тут один, Игорьком звали. Этот четырехлетний оболтус был абсолютным злом, контролировать которое было практически невозможно. Так вот, Игорек, когда кто-либо из воспитателей пытался сделать ему замечание, не находил ничего лучше, кроме как кидать в педагогов камнями, причем делал он это на удивление точно. Даже Бегемот, демон Земли, не отказался бы взять у Игорька пару уроков метания булыжников – авось пригодится. Родителям

Игорька посоветовали подыскать другой детский сад после того, как он во второй раз рассек камнем подбородок милойшей воспитательнице Жанне – причем Игорек умудрился попасть как раз в то место на подбородке Жанны, куда пришелся и первый его удар. С тех пор Игорька в этом саду никто не видел.

Ко мне на скамеечку присел ворон. Он вертит головой, по-дурацки приоткрыв клюв. Я пытаюсь делать ему мысленные сигналы: ну же, дружище, пора приступать к своим прямым обязанностям, данным тебе и твоим собратьям самим Сатаной. Но ворон как будто и не слышит меня. Он помотал башкой еще с полминуты, а затем сорвался в полет, заметив на песке фантик «Мишки на Севере».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.